

Маргарита не могла понять до конца, что мужа больше нет и никогда не будет. Он погиб у нее на глазах, но все равно, просыпаясь одна каждое утро, она пыталась услышать рядом его ровное дыхание.

Проходило, наверное, несколько минут, прежде чем она понимала, что дома одна и муж никогда сюда не вернется. Маргарита быстро вставала, стелила постель и бежала готовить завтрак: овсянка, круассан и кофе. Завтрак всегда был одинаковым.

В то утро Маргарита как раз сделала большую порцию слоеного теста и забила морозилку этими пижонскими булочками, которые так любил муж, и довольно странно было думать, что вечером он погиб, сама она провела неделю в больнице, а круассаны мирно ждали своего часа, и ничего с ними не произошло.

И Маргарита их ела, потому что они были из прошлой, счастливой, жизни.

И овсянку варила по той же причине.

После завтрака начинался пустой и бессмысленный день, когда идти некуда и не к кому, да

и заняться особенно нечем. Маргарита убирала квартиру, готовила обед, все как при муже, но времени, которого раньше всегда не хватало, вдруг сделалось неправдоподобно много.

Никто не звонил и не писал ей: друзья и родственники исполнили свой долг, помогли, побывали и у мужа на похоронах, и у нее в больнице, теперь она должна сама обращаться к ним за поддержкой и сочувствием. Но Маргарита не хотела никого обременять, зная, что люди не любят горя.

Она сходил бы в зал, но боялась, что ее сочтут бездушной, или, как говорила мама, «черствой», если она встанет на беговую дорожку так скоро после смерти мужа.

Какое слово — «черствая»... От безделья Маргарита начинала мысленно катать это словечко, как гоняют леденец во рту. Что оно значит? Синонимы, антонимы какие у него? Черствый — мягкий? Нет, это твердый — мягкий, а черствый какой? Сдобный?

И Маргарита поднимала голову, чтобы спросить мужа, и только через несколько секунд вспоминала, что его больше нет.

При выписке из больницы ей дали визитку психолога, и Маргарита думала, что надо бы сходить, но тут же возражала себе, что она не сумасшедшая, так зачем отнимать время у занятого человека? Ни один психолог, даже самый лучший, не вернет ей мужа, а с горем она когда-нибудь справится. Или нет, но это уже не важно.

Странно, но самой крепкой нитью, связывающей Маргариту с миром, оказались полицейские, расследующие дело о взрыве. И то они стали беспокоить ее все реже и реже, наверное, окончательно сняли все подозрения. Поняли, что такая не приспособленная к жизни особа, даже если и хотела избавиться от мужа, не в состоянии смастерить взрывное устройство или заказать его в интернете, и утратили к ней всякий интерес.

Маргарита выставила сигналы телефона на максимальную громкость, и часто проверяла его, но не было ни пропущенных звонков, ни сообщений. Ее будто выкинуло из потока жизни...

* * *

Если бы перед Мстиславом Зиганшиным вдруг появился волшебник или, на худой конец, золотая рыбка с вопросом: «Чего тебе нужно, старче?» — он без малейших колебаний ответил бы: «Спать». Ни на секунду бы не задумался.

Раньше, особенно в молодости, он легко переносил дежурства в авральном режиме и считал себя стойким к бессоннице человеком. Но тогда у него не было маленьких детей.

Фрида предлагала ему ночевать отдельно, в гостиной, например, или у Льва Абрамовича, все-таки муж один кормит семь ртов и имеет право на полноценный отдых, и Зиганшин

в принципе был с ней согласен, но покинуть супружеское ложе в самый ответственный момент... Нет, он не слабак и не предатель!

Вот и ходил как зомби, каждую свободную минутку используя на то, чтобы вздремнуть, и, наверное, незаметно для себя перешел на какой-то новый уровень, потому что мог теперь выключиться из любого положения.

Как голодающий с тоской вспоминает о блюдах, которые когда-то мог съесть, но не захотел, так и Зиганшин сокрушался о зря растроченных часах. Как можно было быть такими идиотами, чтобы по полночи смотреть сериалы или, того хуже, лежать и пялиться в потолок, размышляя о всякой ерунде? Непростительная расточительность! Зиганшин чувствовал, что еще чуть-чуть, и секс тоже покажется ему преступной тратой времени, отведенного на сон.

Разобравшись со срочными делами, Зиганшин вернулся к себе в кабинет и сел якобы за компьютер, а на самом деле немножко подремать. Голова плыла, и требовалось дать себе несколько минут быстрого «волчьего» сна, чтобы снова мыслить ясно.

Откинувшись на пружинящую спинку офисного кресла, он закрыл глаза и почти отключился, как вдруг услышал громкий стук в дверь, которая сразу же широко отворилась.

В кабинет стремительно вошла очень полная и очень накрашенная женщина в сером сарафане и яркой шелковой кофточке.

— Здравствуйте! — сказала она, с грохотом потянув для себя стул. — Наконец-то я до вас добралась!

— Звучит зловеще, — пробормотал Зиганшин.

Посетительница энергично протянула ему руку. Мстислав Юрьевич пожал, отметив, что у гостьи, несмотря на полноту, изящное запястье и тонкая кисть.

Вообще она, наверное, была бы довольно миловидной, если б не тонны жира и косметики.

Женщина села напротив и заговорила:

— Ну вот, наконец-то познакомились лично! А то все по телефону да по бумажкам дела ведем, а ни я вас на улице не узнаю, ни вы меня!

— Теперь-то узнаю, не беспокойтесь. А с кем имею честь?..

— А, точно, точно! Я ж не представилась! Анжелика Станиславовна Ямпольская, новый следователь из комитета.

«Ох ты ж!» — подумал Зиганшин.

— Можно просто Анжела, — улыбнулась Анжелика Станиславовна, — имечко так себе, ну да ты меня понимаешь, Мстислав Юрьевич.

Он хотел заметить, что не переходил на «ты», но не смог вклиниться в ее напористую речь.

— А я к тебе с претензией, — продолжала Ямпольская, — что у тебя опера квелые такие? Еле шевелятся!

— Нормальные опера.

— Да ну где там! А дело-то такое, что шуршать надо будь здоров!

Зиганшин нахмурился. Он понял, о каком деле говорит Ямпольская.

— Ой, я тебя умоляю! Убери мнение с лица! Ничего не получается, когда ничего не делаешь, а когда что-то делаешь, что-нибудь обязательно да получается.

— И ведь не возразишь.

— Ну а то! В общем, давай, родной, накрути своих, пусть работают, и сам подключайся! Не сиди, а мысли! Я слышала, «чайник» варит у тебя.

— Устаревшие сведения, — буркнул Зиганшин, которому, несмотря на злость и изумление, все же трудно было удержать глаза открытыми.

— Что так?

— Ничего. Я вас услышал. — Зиганшин считал, что эта фраза оскорбительна для любого человека, но посетительнице все было нипочем.

— Ну вот и давай, вникни! Посмотри свежим глазом, может, мы что-то пропустили. — Анжелика Станиславовна поднялась. — Поднажми, родимый!

— Да вы что, дамочка, какой я вам родимый, — сказал Зиганшин в спину Ямпольской.

Она точно его слышала, но виду не подала.

Зиганшин вышел вслед за ней в коридор и проводил взглядом шарообразную фигуру. Надев шубу, которую зачем-то оставляла у дежурного, Анжелика Станиславовна из шара превра-

тилась в эллипсоид, или, вернее сказать, геоид, и, подумав так, Зиганшин обрадовался, что кое-какие школьные знания еще держатся в голове.

— Что это сейчас вообще такое было? — спросил он у начальника отдела, как раз вышедшего из туалета.

Начальник взял его за локоть и провел к себе:

— Я сам обалдел, — сказал он задумчиво, — врывается вдруг такое туловище с лицом, и начинает с места в карьер права качать. Но как только вник, сразу ее к тебе отправил.

— Спасибо, товарищ полковник.

— Не за что.

— Откуда она вообще взялась?

— Вынырнула из трясины декретов, — хмыкнул начальник. — Следственный комитет уже воеет от нее. Сам знаешь, там люди все интеллигентные, тонкие подобрались, и вдруг такое. Беспардонность, говорят, ее второе имя.

— Да у нее и первое-то не ахти, — улыбнулся Зиганшин.

— Ежу понятно, что это никакой не работник. Всю жизнь просидела следователем в жуткой глухомани, и то либо в декрете, либо на больничном с детьми. Представляешь, какая это была головная боль для руководства?

— Да ужас. Работника нет, а ставка занята, и никого на нее не возьмешь, хоть ты умри.

— В общем, никто бы ее никуда не взял, но у нее муж какая-то шишка. Вот эта Анжелика Станиславовна и наглеет. Ничтожный следова-

тель, даже не по важным делам, а в любые кабинеты вламывается — как к себе домой. Детей навоспитывалась, теперь вот решила проявить себя на ниве профессионализма. Дело о взрыве хапнула, хотя, конечно, никто особо не возражал.

— Ну да, кому охота на себя лишний глухарь вешать...

— Короче, амбиций там выше крыши, так что она из вас душу вынет, а раскрытие обеспечит. Дело-то резонансное.

— Да пусть старшие братья надрываются. Взрыв же, не хухры-мухры.

Начальник покачал головой и взглянул на Зиганшина с ленинской хитринкой:

— Старшие братья пусть как хотят, а тебе громкое раскрытие совсем не помешало бы. Я иду на повышение и буду тебя рекомендовать на свое место.

— Спасибо, товарищ полковник.

Зиганшин думал, что неожиданная новость лишит его сна, но ошибся. Вернувшись от начальника, он первым делом покемарил десять минут, и только потом стал думать о будущем.

Повышение — это, конечно, хорошо, только вряд ли реалистично. Сейчас помашут перед носом перспективой, как морковкой перед ослом, чтобы вызвать в нем всплеск активности, а потом пришлют кого-нибудь со стороны. Дело известное.

Трудись, заслуживай, а мы тебя прокатим.

«А вы любите меня таким, какой я есть, — усмехнулся Зиганшин, потягиваясь в офисном кресле, — вот женщины же обижаются, когда им говорят, что женишься, если они научатся хорошо готовить, убираться и покажут чудеса в постели. Ну да, от такого заявления сразу по морде схлопочешь, если женщина нормальная. А сам должен терпеть и выслуживаться, раскрывать все подряд, пусть всем и так ясно, что я с новыми обязанностями прекрасно справлюсь. Хотя... Куда мне теперь с таким выводком покорять карьерные вершины? Все же это было опрометчивое решение — усыновить троих детей. Альтман, зараза, подловила нас, когда мы еще не способны были мыслить здраво... А теперь все. Обратно, как говорится, не засунешь».

Зиганшин вскочил от первого звонка будильника, как мог тихо вышел из комнаты, чтобы не потревожить Фриду и утомившихся только к рассвету малышей, в одних трусах выбежал во двор и быстро растерся снегом, чтобы проснуться.

Немного постоял на крыльце, вдыхая колючий морозный воздух.

— Шесть утра, — вздохнул он, — скотина не доена, баба не мята.

Больше всего на свете хотелось вернуться в кровать, обнять Фриду, почувствовать ее уютное родное тепло, а потом... Нет, пожалуй, все-

таки уснуть. Просто уткнуться носом в затылок жены и спать.

Зиганшин протяжно зевнул и вернулся в дом. Стуча хвостом, подбежала Найда, он запустил руки в ее густую шерсть и потерял щекой о холодный мокрый нос. Это были минуты, принадлежащие только человеку и собаке.

Далеко в прошлом остались неспешные сборы на службу, тщательное и приятное бритье, долгий утренний кофе и плотный завтрак. На эти удовольствия уходил целый час, а то и полтора — непростительная расточительность. Теперь Зиганшин брился и завтракал за рулем, в те минуты, когда это позволяла дорожная ситуация. Пришлось даже купить электробритву, хотя Мстислав Юрьевич презирал мужиков, пользующихся этим прибором, и в свое время клялся, что сам ни за что делать этого не станет. Ох, не зря мама предупреждала его никогда не зарекаться...

От всех утренних удовольствий пришлось отказаться, кроме одного — общения с Найдой. Она была крупная овчарка, не злая, но все же воспитанная как служебная собака, а не как болонка, и Зиганшин немного опасался оставлять ее наедине с Фридой и малышами. Он на девяносто девять и девяносто девять сотых процента был уверен, что Найда не станет проявлять агрессию, но одна сотая так его пугала, что он стал на день отводить обеих собак ко Льву Абрамовичу. «Дедушка старый, ему все рав-

но», — неизменно говорил тот, принимая Найду с Пусиком. Собаки хорошо к нему относились, но для Найды настоящим хозяином оставался Зиганшин, и он считал, что каждый день должен напоминать ей, что любит ее ничуть не меньше, чем когда в доме не было никого, кроме человека и его собаки.

Этот самый Пусик, молодой вельш-корги, был взят специально для племянников, считался детской собакой и Зиганшина не слишком уважал.

Зиганшин отвечал ему тем же, свою искреннюю любовь и уважение отдавая Найде.

— Ты моя хорошая, моя радость, — приговаривал он, чесал Найду за ухом и потихоньку от самого себя дал ей кусочек сахара. Делать это, конечно, было не нужно, потому что собака в последнее время заметно потолстела, но как иначе выразить свои чувства...

Вдруг он увидел девочку, неподвижно стоящую в дверях кухни. Пришлось сделать усилие, чтобы вспомнить, что эта малышка в пижаме с зайчиками и спутанными со сна прекрасными золотистыми волосами — его приемная дочь Света.

Вот так, две девочки Светы в одной семье, и обе слишком большие, чтобы называть одну из них как-то иначе.

Под пристальным взглядом ребенка Зиганшину стало неуютно, и он быстро натянул джинсы и толстовку.